

А.А. Плещеев

30-ЛЕТИЕ СО ДНЯ СМЕРТИ НЕКРАСОВА ¹

Над могилой Некрасова – Сенатор А.Ф. Кони о поэте-сатирике – Воспоминания о Некрасове – В бывшей квартире поэта – Издание произведений поэта-сатирика

«Воспоминания о Некрасове»

Сегодня, 27 декабря – 30-летие со дня смерти Некрасова. На похоронах его завязался спор, который, пожалуй, удовлетворительного объяснения не нашел и до сих пор. Достоевский начал свою речь на могиле следующей фразой:

- Хотя Некрасов по дарованию своему стоит ниже одного великого Пушкина...

В это время молодой зычный голос, принадлежавший студенту, сидевшему, буквально «чортом», верхом на перилах, произнес:

- Выше!

Достоевский оглянулся и заметил твердо и убежденно:

- Нет, ниже!

А молодые голоса снова закричали:

- Выше!

Достоевский же, со всею возможною настойчивостью и всем возможным спокойствием, отчеканил:

- Нет, ниже-с!..

Быть может, это препирательство и заставило Тургенева и некоторых иных строго отнестись к таланту Некрасова, и в запальчивости совсем отрицать его. Но его нельзя отрицать – эту могучую, несколько неотложную силу, несшую с собой гнев и месть, печаль и злобу. Вот уж именно Некрасов мог сказать о своем даре:

Клянусь, я искренно любил,

Клянусь, я честно ненавидел...

¹ Петербургская газета, политическая и литературная. 27 декабря 1907 г. № 355. С. 2.

Дар его в эти минуты был искренний, и что нам за дело до того, как жила та часть поэта, которая была человеческой, слишком человеческой?

К сожалению, несмотря на то, что многие кричали «выше», никто из кричавших до сих пор не формулировал значения Некрасова. А какие ничтожные, жалкие воспоминания! Я читал некоторых «воспоминателей». Увы, они вспоминают совершеннейшие пустяки. Некрасов будто бы пил чай большими глотками, а он («воспоминатель») сидел напротив.

- М-да! – сказал, наконец, Некрасов, хотя, к чему и к кому относилось это междометие, он сказать в точности не берется. Помешав еще ложечкой чай, воспоминатель убедился, что чай стал стынуть, и нашел, что уже сидели довольно долго, судя по степени охлаждения напитка. Тогда он счел долгом откланяться, а Некрасов не счел долгом его удерживать...

А второе воспоминание такого рода. Воспоминатель встретил Некрасова на Разъезжей улице. Шел мелкий дождь. Тогда верхов на извозничьих пролетках не было, и Некрасов высоко поднял воротник пальто и раскрыл зонтик. По этому поводу воспоминатель не был Некрасовым замечен. Быть может, если бы Некрасов узнал его, то подвез бы его на извознике, и по дороге мог бы завязаться интересный и животрепещущий разговор, каковой бы он и занес в свои мемуары, для характеристики поэта и его времени. Но факт тот, что Некрасов не узнал его.

Ах, уж эти воспоминания!

Покойная Панаева-Головачева, пред глазами и в доме которой прошло, можно сказать, все наше общественное движение 60-х годов, в своих воспоминаниях сообщила, главным образом, одно: это – что дома Некрасов ходил в мягких сапогах и очень любил швейцарский сыр. Затем уже один историк новейшей русской культуры пытался было выяснить это так, что меховые сапоги - символ крепостной России, а швейцарский сыр – символ Европы, но так как ему указали на одного отставного полковника, который ходил в меховых сапогах по случаю ревматизма, а швейцарский сыр ел с чем придется, даже с малиновым вареньем, - то воспоминания о Некрасове так и остались неразрешенными с точки зрения новейшей русской культуры...

Некрасов еще ждет своего историка, своего критика, - того критика, который бы чувствовал с такою же силою, как он, противоречия силы и слабости, малодушия и героизма, искреннего чувства и холодной тенденциозности, огненного сарказма и большой, выстраданной любви...

СЕНАТОР А.Ф. КОНИ О НЕКРАСОВЕ

Одним из современников и лиц, хорошо знавших Н.А. Некрасова, является сенатор А.Ф. Кони, к которому мы и обратились с просьбой поделиться с нами своими воспоминаниями.

К сожалению, А.Ф. мы застыли нездоровым и слишком занятым, и он не мог передать своих воспоминаний целиком.

- Как известно, - начал А.Ф., - Некрасов вначале испытывал крайнюю нужду.

В это время на помощь ему часто приходил мой отец, издававший в то время «Литературную газету».

Некрасов и его сестра, Анна Алексеевна, часто вспоминали об этом и всегда относились к моему отцу с чувством большой благодарности.

Я лично познакомился с Некрасовым в начале 70-х годов, когда он обратился ко мне за разъяснениями и советом по литературно-юридическим вопросам.

Однажды я возвращался с Некрасовым от сестры из Ораниенбаума.

Между прочим, я спросил его, почему он остановился в печатании произведения «Кому на Руси жить хорошо». Некрасов ответил, что он собирает в настоящее время материалы о темных сторонах крепостного права, и заметил при этом, что он отстал от жизни в провинции и личного материала имеет мало.

Тогда я рассказал ему в вагоне железной дороги случай самоубийства кучера одного из помещиков Рязанской губернии, о котором я слышал от местного старшины в Пронском уезде, когда я, еще будучи студентом, проводил лето 1863 года «на кондициях», давая уроки детям профессора астрономии Драшусова.

Выслушав мой рассказ, Некрасов задумался, а потом сказал, что он не применит этим материалом воспользоваться.

Спустя два года он прислал мне корректуру своего удивительного рассказа в стихах «О Якове верном, холопе примерном», в котором фабула, переданная мною, была воспроизведена с потрясающей силой.

Перед смертью Некрасова я был у него несколько раз, всегда унося с собою картину его невыносимых страданий.

Однажды, как бы жалуясь на то, что некоторые из симпатичных ему людей посещают его не так часто, как бы ему того хотелось, он сказал глухим и страдающим голосом:

- Всем некогда...

Это ужасное слово...

Здесь, в Петербурге всегда и всем некогда.

Некогда жить, некогда думать, чувствовать, любить, негодовать...

Только умереть есть время.

Сестра Некрасова, Анна Алексеевна Буткевич, умирая, назначила меня своим душеприкащиком, с тем, чтобы я содействовал устройству в усадьбе «Чудовская Лука» училища в память Некрасова, вследствие чего эта усадьба была по дарственной записи передана мною в собственность по городскому земству, которое и устроило в усадьбе сельско-хозяйственную школу.

Для поддержки этой школы я просил Салтыкова-Щедрина передать земству собранные в «Отечественных записках» деньги, в количестве пяти тысяч рублей, и выхлопотал у министра государственных имуществ Островского ежегодную субсидию, насколько помнится, в 1000 рублей.

ИЗ УЦЕЛЕВШИХ В ПАМЯТИ ВОСПОМИНАНИЙ

Недавно я проезжал через Строганов мост и, увидя каменную дачу Строгановых на Черной речке, где помещалось благородное собрание, где играли в карты и танцевали, я вспомнил о Н.А. Некрасове.

Здесь измученный, истерзанный болезнью, после операции, проводил поэт последнее лето, последнее перед смертью.

Дача больше известна по клубу, нежели по воспоминаниях о Некрасове! Ничто не напоминает о былом присутствии здесь незабвенного поэта.

Недалеко от этой дачи, в маленьком деревянном домике жил и умер С.Н. Атава, с которым мы, бродя иногда ночью по Черной речке, вспоминали о Николае Алексеевиче.

- Где «Аркадия» - все знают, где Богородка – тоже, а где догасала жизнь Некрасова – знают несколько человек, - повторял не раз Атава, смотря на дачу Строганова. Здесь

Некрасов провел почти два месяца и здесь мой отец, А.Н. Плещеев навещал его не раз. Николаю Алексеевичу, по его словам, было лучше, но это «лучше» звучало не бодро. Это была отсрочка надвигающейся катастрофы. Тут Некрасов иногда брался за перо, но оно валялось из рук, по его словам.

- Тяжело смотреть на Некрасова, - говорил мне отец, тяжело говорить с ним: едва зайдет речь о болезни, к которой он сам возвращается, нервы возбуждаются; околеть бы, повторяет он.

Н.А.Белоголовый, у которого я был с отцом в Лозанне, вспоминая о последнем свидании с Некрасовым в день смерти, говорил, что его от полотна нельзя было отличить, все побелело и как бы слилось, и тело и полотно... ужасный фон.

Некрасов умер в 8 ч. 50 м. пополудни. Вечером позднее я узнал об этом от отца.

Я застал тело поэта на катафалке еще из его кабинета, окруженное толпой. Как молния облетела Петербург весть о смерти поэта. Около подъезда, в передней, на лестнице, в комнатах толпилась молодежь, собрались сотрудники «Отечественных записок», литераторы, актеры и др.

Портрет, который помещен в «Петербургской газете», подаренный мне с надписью поэтом, один из лучших и напоминает Некрасова таким, каким я его помню, каким видел всегда. И мертвым поэт мало изменился, когда на лице запечатлелось спокойствие. Только желтизна, исхудалость рук преобразили его. Лицо скорее приняло прежний вид, прежнее выражение до болезни, но было как восковое.

Окружавшие безмолвно всматривались в это лицо поэта, и молчание нарушил невыдержанный Половцов, кажется журналист, всхлипнувший и сказавший: «Господи, мы у праха нашей гордости, нашей славы».

Отец мой, горячо любивший Некрасова, сдерживал себя, но слезы струились из глаз.

В кабинете, где лежал Некрасов, не раз случалось мне бывать у него, просиживать по несколько часов в обществе его жены Зинаиды Николаевны, отца моего и других лиц.

Погребение было не пышное, но трогательное и грандиозное, поэта сопровождала огромная толпа, с массой студентов и молодежи вообще. Кого тут не было?

На кладбище я увидел Ф.М. Достоевского, угрюмого и сурового, с растрепавшимися волосами, Панаева, поэта Минаева и др.

Говоривших речи не было слышно и долетало только «Достоевский, громче, Федор Михайлович».

Разумеется, подробности ускользнули из памяти, и я воздерживаюсь от передачи их, чтобы не перепутать.

Мальчиком и юношей бывал я Некрасова, встречал его у нас дома, еще ранее в Москве, где он остановился проездом в Ярославскую губернию.

Бывал он нас с Салтыковым-Щедриным, В. Гаевским и др.

Как теперь, помню хриплый голос поэта, который не мог громко разговаривать. С трудом слушал я чтение Некрасова, когда он появился на литературном чтении в зале Купеческого клуба (у Казанского моста, где теперь Учетный банк). Он читал «Три элегии», посвященные моему отцу, и тут же переданные ему в рукописи.

Зала, как один человек, загремела, лишь только из дверей показалась фигура поэта, направлявшегося к эстраде. Он долго не мог начать, а по окончании, опять происходила шумная овация, кричали, стучали стульями, махали платками.

Некрасов не любил выступать в качестве чтеца своих произведений и сделал исключение для литературного фонда.

Вся жизнь Некрасова прошла в операциях: сначала десятки лет резала его неумолимая цензура, а на закате хирург.

Если рок окончательно погубил жизнь дорогого поэта, то не подлежит сомнению, что цензура сокращала ее систематически.

Огорчения и возмущение вызывала эта цензура в душе поэта, скорбевшего не только за свои стихи, за свой журнал, но за русскую литературу вообще, любовь к которой Николая Алексеевича не знала границ.

По поводу собрания своих стихотворений Некрасов часто скорбел, завещая друзьям оберегать их от пополнения библиофилами теми вещами, которые он не считал достойными включать в это собрание.

Библиофилы неумолимы и разыскивают теперь его водевильные куплеты. По своему они правы. Отношения Некрасова с моим отцом были стародавние, у нас хранится первое издание Некрасовских стихотворений с прочувствованной надписью моей матери, Е.А.Плещеевой, которой Николай Алексеевич поднес его в изящном переплете.

Когда вспоминаешь о Некрасове, то поднимаются тени славной былой литературной эпохи - встают перед тобой Тургенев, Гончаров, Григорович, Майков, Полонский, Достоевский, Островский и пр.

Все перемерли, но все живут и будут жить, как бы течения не увлекали литературу.

Старая литература, скованная бездушной цензурой того времени, несмотря на это, оставила великое наследство родине. Это и была, и есть наша гордость.